

NEWS

OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

SERIES OF SOCIAL AND HUMAN SCIENCES

ISSN 2224-5294

Volume 6, Number 305 (2016), 12 – 21

УДК 101.1: 001.8

POSTPHILOSOPHY OF FORMATION AND SYNERGETICS OF PHASE TRANSITIONS

Dunaev V.Yu, Kurganskaya V.D.

Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies CS MES RK, Almaty, Kazakhstan
e-mail: iph@iph.kz vlad.dunaev2011@yandex.kz

Keywords: philosophy, postmodernism, synergetic, self-organization, formation, non-linearity, self-applicability

Abstract. This article discusses some of the features of formation of the conceptual-categorical apparatus of modern philosophy and science. It is shown that self-organization of semantic field as the open environment of values and meanings is the subject and method of construction for a philosophy of becoming, and the synergy of phase transitions. The conclusion is that the constitution of synergy as a paradigm of post-nonclassical type of rationality is associated with a feature of the conceptual apparatus of synergy as self-applicability. In accordance with this feature of the principles of synergy are applied to the process of the emergence and operation of its own concepts.

ПОСТФИЛОСОФИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И СИНЕРГЕТИКА ФАЗОВЫХ ПЕРЕХОДОВ

ДУНАЕВ В. Ю., КУРГАНСКАЯ В. Д.

Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, Алматы, Казахстан

Ключевые слова: философия, постмодернизм, синергетика, самоорганизация, становление, нелинейность, самоприменимость.

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые особенности формирования понятийно-категориального аппарата современной философии и науки. Показано, что самоорганизация семантического поля как открытой среды значений и смыслов является предметом и способом построения как философии становления, так и синергетики фазовых переходов. Делается вывод о том, что конституирование синергетики в качестве парадигмы постнеклассического типа рациональности связано с такой особенностью концептуального аппарата синергетики, как самоприменимость. В соответствии с этим свойством принципы синергетики применяются к процессу возникновения и функционирования её собственных понятий.

«Постфилософия... вещь тонкая, непонятная, интересная, местами отвратительная» [10, с. 30].
А. Дугин.

Введение. Философия и постфилософия

Современный мир определяется как эпоха перехода от модерна к постмодерну. Переход системы к новому типу саморегуляции, или появление в ней нового уровня организации трансформирует все генетически предшествующие, ранее сложившиеся элементы и структуры. По известному определению, философия есть эпоха, схваченная в мысли. Философия как базовая мировоззренческая дисциплина эпохи модерна, выявляющая и учреждающая основополагающие структуры рационального мышления, с приходом эпохи постмодерна должна – уже просто этимологически – трансформироваться в постфилософию.

Модерн практически завершается (не в своём эмпирически наличном бытии, разумеется, а как фаза всемирно-исторического процесса), его парадигма по инерции ещё работает, но её ресурс исчерпывается на наших глазах. Поэтому, казалось бы, мы можем судить о нём и о его философии с

достаточной степенью категоричности. Но, с другой стороны, мы уже вышли из этой эпохи, и всё, что можно осмысленно сказать о ней и её философии, «сегодня можно сказать исключительно исходя из базового опыта феномена постмодерна, из и на основе ситуации постмодерна». Поэтому «те, кто не мыслят о постмодерне, не занимаются постфилософией, дисквалифицированы» [10, с. 61] как философы (1). Однако эпоха постмодерна ведь ещё толком и не начиналась. Она надвигается как состояние фазового перехода к чему-то, что находится, говоря языком нелинейной динамики, за горизонтом предсказуемости (2). В фазовом переходе происходит становление нового состояния реальности, а также сдвиг, семантические мутации, качественное преобразование всех категорий, законов, принципов её восприятия и осмысливания. Поэтому не в силу свободного выбора, а с фатальной неизбежностью философия (постфилософия) постмодерна самоопределилась как философия Становления.

Своебразный алгоритм деконструкции концептуального каркаса картины мира модерна и его перевода в понятия картины мира постмодерна предложен рядом направлений междисциплинарных исследований: синергетикой, нелинейной динамикой, теорией диссипативных структур. В синергетике акцент ставится на исследовании состояний неустойчивости, процессов рождения и перестройки структур, или, по Илье Пригожину, происходит переход от изучения инвариантов к сингулярностям, от Бытия к Становлению. С полным основанием можно предположить, что в разработке новой эпистемы решающую роль может и призвана сыграть синергия постфилософии и синергетики.

Принцип самоприменимости концептуального аппарата теории

Постмодернизм характеризуется Ж.-Ф. Лиотаром как выход из употребления метанarrативного механизма легитимации [13, с. 10]. Такого рода механизмом отныне выступают гибкие сети языковых игр, которые реализуются в форме институтов. «Знаки» больше не обмениваются на «означаемое», они замкнуты сами на себя. Самоподдержание социальной системы продолжается как симуляция, скрывающая отсутствие «глубинной реальности». При этом в фазовых переходах правила игры имманентны самой игре, не имеют метафизических или трансцендентных истоков (3).

В романе «Игра в бисер» Г. Гессе описывает Игру как реализацию великой идеи движения к синтезу точных и гуманитарных наук, и науки в целом с искусством и религией. Теоретически этой игрой можно воспроизвести весь духовный космос человечества. «Правила, язык и грамматика Игры представляют собой некую разновидность высокоразвитого тайного языка, в котором участвуют самые разные науки и искусства, но прежде всего математика и музыка (или музыкование), и который способен выразить и соотнести содержание и выводы чуть ли не всех наук. Игра в бисер – это, таким образом, игра со всем содержанием и всеми ценностями нашей культуры» [3, с. 8].

Переход к кастальской «Игре в бисер» как механизму легитимации влечёт за собой ряд методологических требований.

Во-первых, требование преодоления неизжитого платонизма онтологии. Естественнонаучные онтологии традиционно строятся исходя из наличного знания по линейному принципу. Синергетика же утверждает, что после фазового перехода возникает новый, принципиально не предсказуемый спектр возможных состояний. Поэтому необходимо разработать концептуальные основания для перехода к принципиально новому классу моделей метастабильных, эволюционирующих, изначально не заданных онтологий. Взгляд изнутри этих онтологий радикально меняет топологию эпистемологического пространства. За горизонтом предсказуемости, или за окном прозрачности, рефлектирующее сознание, включённое в наблюдаемую онтологию, вынуждено переходить от картезианско-ニュтонауского детерминистского языка к языку вероятностному.

Во-вторых, эпохе делегитимации метанарративов (равно как и её литературному двойнику – «фельетонной эпохе» в романе Гессе) принадлежит идея междисциплинарности [13, с. 127] (3). С позиций постнеклассической методологии онтологические основания раскрываются как мультимодельные и полиморфные сборки дисциплинарных, интердисциплинарных и трансдисциплинарных когнитивных практик (картина мира современной физики, квантовой механики, космологии, биологии, математики, гуманитарных дисциплин).

Трансдисциплинарные подходы – этоnomады, странствующие среди оседлого населения дисциплинарных пространств и пытающиеся создать между ними волну (диссипативную структуру) когерентности. Ситуация междисциплинарности определяет структурирование постнеклассического эпистемологического пространства как когнитивной среды, в которой происходит *самоорганизация* нового знания. Причём метрика этого пространства междисциплинарных коммуникаций выстраивается, в отличие от кастальной Игры, по сетевому, фрактальному или ризоморльному принципу. По сути,

социальное и эпистемологическое пространство постмодерна приобретают структуру динамического хаоса, описываемую фрактальной геометрией самоподобных объектов (облаков, крон деревьев, береговых линий и т.п.).

Синергетика как метод нелинейного моделирования процессов самоорганизации сложных динамических систем небезосновательно претендует на роль методологического ядра или парадигмы постнеклассической науки в силу того, что понятия синергетики выступают терминами-метафорами интердисциплинарного (социо-гуманитарного, технического, естественнонаучного) дискурса универсального эволюционизма. При этом принципиально важно указать на то, что онтологические и эпистемологические основания применения принципов синергетики к построению современной картины мира на основе междисциплинарной коммуникации разрабатываются самой синергетикой.

Правомерность конституирования синергетики в качестве парадигмы постнеклассического типа рациональности связана с такой особенностью концептуального аппарата синергетики, как самоприменимость. В соответствии с этим свойством принципы синергетики применяются к процессу возникновения и функционирования её собственных понятий: «...обсуждение нелинейной онтологии и соответствующего ей движения в языке предполагает наличие своеобразной «синергетической рефлексии», когда концептуальный аппарат, претендующий на описание самоорганизующихся процессов, сам является результатом самоорганизации» [1].

В синергетике моделирование заключается в синхронизации темпов и направлений эволюции концептуальных схем с ритмами самоорганизации объекта моделирования. Дискурсы не столько формируют собственные объекты, сколько устанавливают режим ковозволюции, когерентности развития. Синергетика – диалоговый режим, а не репрессивный код управления.

Гомология принципов синергетики и парадигматики постнеклассической науки – один из важнейших постулатов постмодернизма: постмодернистская наука строит теорию собственной эволюции как прерывного, катастрофического, парадоксального развития [13, с. 143]. Специфика эволюции науки – в её непредсказуемости.

Синергетику неверно понимать как некую универсальную методологию, прилагаемую к решению задач конкретных научных дисциплин. Особенность синергетического подхода заключается в том, что здесь метод как бы сам создаёт задачи, в том числе такие, какие не могут возникнуть в рамках дисциплинарно организованного эпистемологического пространства, дисциплинарного типа мышления. Одной из задач такого рода является задача выявления закономерностей самоорганизации понятийно-категориального аппарата науки.

Условия этой задачи носят ярко выраженный постнеклассический характер. В сверхсложных человекомерных системах наблюдатель не может быть внешним наблюдателем теорий классического типа – здесь наблюдатель включен в наблюданную им реальность и его наблюдение вносит в систему неконтролируемые возмущения. Поэтому и свойственный классическим типам теорий способ рассуждения становится иррелевантным в пространстве их самоописания, т.е. на метатеоретическом уровне.

Самоорганизация семантического поля интертекстуальности как открытой среды значений и смыслов является предметом и способом построения философского дискурса постмодернизма. «Сборка» (или «машинная сборка») – один из наиболее часто употребляемых терминов в книге Ж. Делёза и Ф. Гваттари «Капитализм и шизофрения. Книга 2. Тысяча плато». Линии артикуляции или ускользания, территории и страты, сегментации, скорости, интенсивности – все структурообразующие элементы или смыслонесущие профили любой множественности, любого описываемого феномена производят не *сопоставление*, но сцепление, *сборку* разнородных элементов. Так, например, в отношении такой сборки («маленькой машины»), как книга, не задаётся вопрос, о чём говорит эта книга и как она сделана, что можно и нужно в ней понять. Ставится вопрос о том, в соединении с чем она передаёт или не передаёт интенсивности, в какие множественности она встраивает и трансформирует свою множественность [4, с. 7-8].

Существует несколько типов сборок, среди которых Ж. Делёзом и Ф. Гваттари особо выделяются древовидные и ризоморфные. Вся западная культура и наука является древовидной – от биологии до лингвистики, от теологии до философии. Постмодернизм становится переходом от «культуры дерева» к «культуре клубней», т.е. к ризоматической модели. Если древовидная централизованная культура – это долговременная память долговременных концептов (семья, раса, общество, цивилизация), то ризома – это «антагенеалогия», кратковременная память трансформационных концептов, действующих благодаря вариации, экспансии, завоеванию, захвату, уколу...

Проведённое Ж. Делёзом и Ф. Гваттари различие моделей сборок (самоорганизации) имеет обратно-симметричный аналог в синергетике. Изначально качественная теория дифференциальных уравнений, теория бифуркаций, теория динамического хаоса, синергетика Пригожина-Хакена строились относительно Марковской модели физических процессов, в которой состояние системы в последующий момент времени целиком определяется её состоянием в данный момент времени. Однако модели, адаптированные к Марковским «амнезированным» процессам, не работают по отношению к процессам самоорганизации систем с глубиной памяти больше, чем в один шаг – к тем же семье, расе, обществу, цивилизации. Такими системами точки бифуркации проходят не случайно и не с равновероятностями исходов, но через опосредование генетической программой-памятью.

Ризоматическая сборка и Марковская модель описывают процессы самоорганизации, начинающиеся с нуля, с «чистой доски». Защита данного типа процессов Делёзом и Гваттари мотивируется тем, что ризоматические множества не позволяют себе «сверхкодировать», поскольку не располагают каким-либо дополнительным измерением к скомпонованным ими линиям становления, у которых «нет ни начала, ни конца; ни отправления, ни прибытия; ни происхождения, ни предназначения». На самом деле, как доказывается в синергетике и что очевидно для классической культуры, как спектр возможностей, так и свобода выбора возрастают вместе с углублением генетической памяти.

В синергетике установлено, что поведение системы в зонах неустойчивости определяется немногими переменными. Фактически поведение системы описывается в синергетике через анализ состояния и динамики изменения управляющих параметров и параметров порядка. Управляющие параметры или условия среды накладываются на систему извне. Если при изменении управляющих параметров структура системы сохраняется, то такая структура называется устойчивой. Синергетика фиксирует свое внимание на неустойчивых состояниях, т.е. на тех ситуациях, когда при изменении управляющих параметров система меняется качественно, создавая новые специфические структуры, что является феноменом самоорганизации.

Например, когда колебания параметров порядка достигают критической величины, система входит в зону критических флуктуаций. В случае двух параметров порядка для одного и того же значения управляющего параметра возникает два возможных состояния системы, причем система проявляет инерционность в переходе к качественно новому состоянию (эффект гистерезиса). При трёх параметрах порядка их изменение может происходить нерегулярным образом (хаотическое поведение параметров порядка определяется как детерминированный хаос).

Параметры порядка описывают в сжатой форме смысл поведения и цели-аттракторы системы. Они могут возникать или принимать новые значения при изменениях управляющего параметра. В процессе его критических колебаний новое упорядоченное состояние возникает на основе случайных событий, генерирующих новые параметры порядка. Применительно к социальной реальности Г. Хакен выделяет такие параметры порядка, как язык, государство, культура, законы, ритуалы, табу, мода, научные парадигмы и т.п. [18]. Примером синергетического подхода к анализу трансформаций социальной реальности общества является концепция перехода к постиндустриальному обществу Д. Белла. В концепции Д. Белла аналитические конструкции социальной реальности становятся элементом (структурой, порождающей моделью) их онтологических трансформаций.

Принципом построения концепции постиндустриального общества является самоорганизация её категориальной структуры под воздействием выбора управляющего параметра – ценностного ядра самоорганизации – и параметров порядка – осевых линий. Д. Белл подчёркивает, что используемая им парадигма анализа (построение концептуальной схемы, основанной на выявлении осевых принципов или осевых структур общественного развития) помогает избежать одностороннего детерминизма, как экономического, так и технологического, при объяснении социальных изменений. При этом изменения в социальной структуре (экономике), политике и культуре могут определяться разными осевыми принципами, протекать в разных ритмах и относительно автономно друг от друга. «Осевой» или «сферный» принцип развития общества (4) является своеобразной формой концепции мультилинейной эволюции. Т.е. особенностью модели Д. Белла является то, что выбор новых параметров порядка фактически запускает процесс самоорганизации ее эпистемологического пространства. Теория сама осуществляет сборку своих структур и компонентов и формирует их когерентность.

С точки зрения осевой парадигмы интегральная оценка эффективности общественного развития связана с тем, насколько интенсивно общество развивается во всех основных сферах – экономической, политической, социальной, духовной (философия, религия, искусство, нравственность), научно-технологической – или по всем основным осям. Однако вряд ли осевая модель может служить

достаточным основанием для построения «системы абсолютных норм оценки исторической действительности» (Л.П. Карсавин) и выведения критерии социального прогресса. Направленность (прогрессивный или регressiveный характер) социальной эволюции определяется, прежде всего, сужением или расширением диапазона возможностей нравственно-духовного и интеллектуального развития личности, утверждения гуманистических норм и ценностей в социальных взаимодействиях и массовом сознании. Поэтому с содержательной точки зрения причество постиндустриального общества означает, прежде всего, радикальные сдвиги в сознании и мировосприятии, т.е. изменение управляющего параметра социальных трансформаций.

План имманентности и язык наблюдения событий

Разработка моделей нелинейной (мультимодальной) онтологии события и соответствующего ей языка наблюдения проводится как разработка процедур «синергетической рефлексии», когда, в соответствии с принципом самоприменимости, концептуальный аппарат описания самоорганизующихся систем и процессов является результатом самоорганизации когнитивного пространства наблюдения.

В физике событие (первичное понятие в её понятийно-онтологическом базисе) и акт измерения (наблюдения) неразделимы. Осмысление события заключается в придании ему виртуальных контекстов, причём выбор контекста, его делокализация или кластеризация, зависит от системы отсчёта, от позиции наблюдателя.

Для описания дискретных событий используется метод итераций: последовательных асимптотических приближений к решению нелинейных уравнений. Так же построены и герменевтические методы работы с текстами, и «процесс одевания голой частицы в шубу виртуальных вакуумных частиц-квантов (все термины рабочие и давно официально приняты физиками)» [2, с. 99]. Асимптотичность итерации рефлексивных процедур мышления выявлена в кантовском критицизме. Принципы «субъективной дедукции» кантовского трансцендентализма вытекают из задачи выявить те слои сознания, которые составляют предел анализа сознания и вместе с тем становятся граничными, предельными возможностями его понимания. Согласно Канту, у человека нет способности созерцания, в которой определяющее начало его самодеятельности было бы дано независимо от акта определения. Поэтому Я не представляет собой субстанции, но возникает в процессе трансцендентальной рефлексии над сознанием и его дорефлексивным схематизмом, т.е. вводится на определенном этапе трансцендентальных процедур, проводимым самим же «Я». В этом отношении рефлексивные построения Канта напоминают композиционный прием Сервантеса, когда во второй части «Дон-Кихота» его персонажи обсуждают выход в свет первого тома и спорят о том, насколько он соответствует действительности. Быть может, именно этим стилистическим приемом обусловлен тот онтологически парадоксальный факт, что, по словам М. де Унамуно, Дон Кихот в определенном смысле реальнее Сервантеса.

В трансцендентальной рефлексии, в описании сознания на пределе рефлексивного самоуглубления возникают такие его слои и структуры, о которых приходится утверждать, что они, существуя независимо от рефлексии, спонтанно, предполагают единственно возможный способ её проведения, при котором они могут стать реальностью для сознания. При этом первичные отношения сознания не только предопределяют способ своего описания, т.е. тип осуществления самой рефлексии, но и являются его средствами. Однако это пошаговое достраивание реальности, выстраивание ритмокаскадов смысла, плетение кружева рефлексивных петель может упереться в онтологическую границу: «шаги становятся всё короче, и мы уже неуверенно топчемся у запретной черты (главный флаг-предвестник любой катастрофы – замедление характерных ритмов системы), в плену патовых пространств» [2, с. 92]. (5) В трансцендентальной рефлексии такой границей становится схематизм априорных синтезов воображения. Или, напротив, с некоторого шага ряды начинают расходиться, ведут к множественности интерпретаций или к смысловой неопределенности.

Эти стратегические провалы метода итераций раскрываются Ж. Делёзом как парадокс бесконечного регресса, или неопределенного размножения и парадокс стерильного раздвоения. «Эти два парадокса представляют собой главные формы заикания: хореическую или клоническую форму конвульсивного циклического размножения; столбнячную или тоническую форму судорожной неподвижности» [6, с. 53]. Как мы попытались показать в одной из ранее опубликованных работ [11, с. 237-245], выход из тупиковой дилеммы заключается в использовании *анаморфных концептов* или *концептов-трансформеров*. Концепты-трансформеры играют роль странного аттрактора,

притягивающего смыслы и распределяющего линии их порождения и актуализации в системно-синергетическом языке, в том числе за горизонтом рефлексивных процедур осмысления. Иными словами, концептами-трансформерами выстулается не только план имманентности постфилософии, но и области нелинейных резонансов как план самоорганизации диссипативных систем в синергетической парадигме (6).

В теории динамического хаоса математически показано, что на языке линейных траекторий поведение системы можно описывать лишь на ограниченном интервале, называемом горизонтом предсказуемости или окном прозрачности. При этом сам динамический хаос не следует понимать в соответствии с логикой линейного мышления как лишь одно из выделенных состояний системы или как определённый пункт (фаза) её линейной эволюции. Хаос есть внутреннее свойство динамической системы, но идентифицируется он в качестве такового лишь под определенным углом зрения.

Синергетика и теория детерминированного хаоса, особенно в своих популярных изложениях, зачастую пользуются линейным языком описания. Дело представляется так, что фаза динамического хаоса возникает в определённых точках линейного развития (в пунктах бифуркации), когда система покидает прежнюю траекторию эволюции и переходит в стохастический, принципиально непредсказуемый режим неинтегрируемой системы (А. Пуанкаре). В этом режиме возникает качественно новая форма движения, к которой в принципе неприменим детерминистский язык описания. Однако в этом случае для синергетики встаёт задача согласования двух её языков или проблема когерентности двух типов концептуализации в составе единой теории: «Проблема редукции не обратимых вероятностных во времени законов к детерминистским репрезентациям не имеет решения, хотя бы потому, что используемые здесь языки обитают в разных эпистемологических пространствах» [2, с. 38]. Холистический подход синергетики оказывается подорванным внутри себя в силу постулируемой самой синергетикой несоизмеримости двух типов эпистемологии.

Неравновесные или негэнтропийные структуры могут существовать лишь в открытых, диссипативных системах. Принцип открытости нелинейной системы обеспечивает возможность самоорганизации становления. Соответственно адекватным языком описания становится нелинейный гипертекст. Сетевая форма возникновения и взаимной генерации смысловых связей гипертекста является наиболее неопределенной, характеризующейся наибольшей вероятностью стохастических эффектов, наибольшей плотностью и частотой возникновения точек бифуркации и т.д., что делает гипертекст непредсказуемым в своих трансформациях.

Конструктивные особенности гипертекста были выявлены и описаны задолго до появления Интернета П.А. Флоренским. Богословско-философские тексты П.А. Флоренского при обычной установке сознания на понимание какого-то устойчивого, себетождественного смысла становятся непроницаемыми для любых интерпретирующих усилий из-за бесконечных скольжений, переливов, взаимоотражений смысловых оттенков в пространстве мысли, созданной философствованием нового, необычайного для классической философии типа.

Философско-богословская мысль П.А. Флоренского – это философский эксперимент мысли, захваченной своими безграничными игровыми возможностями («вызвать игру – это и есть метод познания» [16, с. 30]), собирающей под крышей одного мировоззрения конгломерат несовместимых и экстравагантных идей. Во введении к своей работе «У водоразделов мысли» П.А. Флоренский развивает идею о «круглом мышлении» и нелинейном письме как специфических приемах построения открытой системы самоорганизации понятий конкретной метафизики в отличие от самореферентного текста гегелевской логики: «Связи отдельных мыслей органичны и существенны; но они намечены слегка, порою вопросительно, многими, но тонкими линиями. Эти связи, полу-найденные, полуискомые, представляются не стальными стержнями и балками отвлеченных строений, а пучками бесчисленных волокон, бесчисленными волосами и паутинками, идущими от мысли не к ближайшим только, а ко многим, к большинству, ко всем прочим. Строение такой мысленной ткани – не линейное, не цепью, а сетчатое, с бесчисленными узлами отдельных мыслей попарно, так что из любой исходной точки этой сети, совершив тот или иной круговой обход и захватив на пути любую комбинацию из числа прочих мыслей, притом, в любой или почти в любой последовательности, мы возвращаемся к ней же» [16, с. 25].

Важной конструктивной особенностью сети-паутины понятий конкретной метафизики является переход смыслового слоя в виртуальный план: «В этой сетчатой ткани и промыслившему её – вовсе не сразу видны все соотношения отдельных узлов и все, содержащиеся в возможности, взаимные вязи мысленных средоточий: и ему, нежданно, открываются новые подходы от средоточия к средоточию, уже закреплённые сетью, но без ясного намерения автора» [16, с. 25]. По отношению к виртуальным

смыслам текста, закреплённым сетью взаимных отсылок, автор теряет своё привилегированное положение перед читателем. Именно самоорганизация виртуального плана интертекстуальных смещений, замещений, подмен становится главным объектом постмодернистских стратегий деконструкции смысла текстов культуры.

Делёз строго различает (художественный) план композиции и (философский) план имманенции, но вместе с тем допускает, что они могут проскальзывать друг в друга. Но это не синтезы философии и искусства, а гибриды, существующие внутри самого различия искусства и философии. Для такого рода гибридов творчество концептов философии и перцептов искусства принимает форму конструирования атTRACTоров, репеллеров и их диспозитива.

Известно, что развитие сюжета подчас подчиняется автора своей имманентной логике, герои совершают совершенно неожиданные для самого автора поступки. Достоевский «составлял планы действий (персонажей), ожидая развязку событий (связь действий), которые не мог предугадать» [15, с. 358]. На примере творчества Ф.М. Достоевского можно показать, что атTRACTоры и репеллеры самоорганизации сюжетных линий полифонического романа формируются уже на этапе составления плана.

Достоевский постоянно набрасывал и переделывал, обдумывал и усложнял планы своих романов. «Я стал мучиться выдумыванием нового романа. Старый не хотел продолжаться ни за что. Не мог. Я думал от 4-ого до 18-ого декабря нового стиля включительно. Средним числом, я думаю, выходило планов по шести (не менее) ежедневно. Голова моя обратилась в мельницу. Как я не помешался – не понимаю». «Множество отдельных романов и повестей разом втискиваются у меня в один, так что ни меры, ни гармонии» [9, с. 240, 208].

План полифонического романа имеет двойкий смысл. План позволяет случиться событиям, предвосхищает их, становится местом, где они происходят. Но план и сам находится в процессе непрерывного изменения. Ведь, как показал М.М. Бахтин, план имманентности сознания не может быть завершён для самого сознания – т.е. для того, что и является предметом художественного изображения в романах Достоевского.

Единицей плана романов Достоевского являются действия. Как говорит он сам, вся программа (поведения героя) «записывается одними сценами, то есть действием, а не рассуждениями». Действия сталкиваются, отражаются друг в друге, образуют бесконечно вариативные «сборки», диаграммы силовых линий развития сюжета, резонируя в такт ритму развития основной идеи. Отсюда и вариативность равноправных сюжетно-fabульных, тематических конструкций. Т.е. фактически планы Достоевского становятся схемами-диаграммами описанного Флоренским открытого гипертекста, в котором не может быть завершающего авторского слова. «Быть может, текст есть всего лишь один из способов интерпретации черновика» [14, с. 133], записанного как гипертекст и позволяющего понять произведение как становление, а не как завершённое бытие.

Заключение. Постфилософия и Апокалипсис смысла

А. Дугин утверждает: «Мы живем в эпоху фазового перехода, и специфика этого фазового перехода состоит в том, что мы видим, как нечто чудовищное, страшное, противоестественное совершается на наших глазах, но мы уже ничего не способны в этом изменить» [10, с. 186]. Например, в новой реальности возникнут новые типы идентичности (множественные, сетевые, виртуальные), расы постлюдей – биомеханоидов существ (киборгов), генетических мутантов, сетевых и биологических человеческих клонов. Новые постантропологические типы не просто могут появиться, они обязательно появятся [10, с. 170].

Апокалиптические выводы А. Дугина, как и, например, пророчества Ф. Бодрийара о конце социального основаны на линейной экстраполяции тенденций первоначального этапа фазового перехода к эпохе постмодерна. Однако есть все признаки того, что линейная модальность становления новой реальности подходит к точке бифуркации, за которой выводы А. Дугина окажутся за горизонтом предсказуемости. Перспективы постфилософии определяются тем, сможет ли она выработать новый управляющий параметр.

До сих пор позитивная программа постмодернизма сводится к опоре на маргинальные силы и девиантные практики, что вполне укладывается в логику мейнстрима глобализации: «Глубочайшая идентификация, «способствующая сплочённости сообщества», – это не столько идентификация с Законом, который регулирует «нормальное» течение повседневной жизни, сколько *идентификация с особой формой трансгрессии* этого закона, его *приостановки*» [12, с. 111]. Каждому сообществу

подобает сплачивающая это сообщество особая основополагающая форма трансгрессии, извращения как социально «конструктивной» позиции. Ж. Делёз выделяет ещё более одиозные параметры порядка социальной системы: «Общество строится по образу и подобию собственных преступлений» [5, с. 211].

Конечно, в настоящее время сложно делать какие-либо заключения о том, каким должен быть управляющий параметр следующего этапа фазового перехода к эпохе постмодерна. Ясно только одно: им не должен оставаться неолиберальный фундаментализм как «принятая по умолчанию» парадигма процессов глобализации.

Примечания:

(1) «В наше время философия не просто закончилась, она в наше время невозможна... Никакого Канта, никакого чистого разума, никакого Сартра уже не существует» [10, с. 61]. Ведь когда мы бросаем взгляд на философию из ситуации постфилософии постмодерна с его «теоретическим антигуманизмом», философ воспринимается как особый антропологический тип. Не философ персонифицируется в созданных им концептуальных персонажах. Наоборот. Концептуальные персонажи «укрываются» в лице и теле философов, порой придавая им – особенно их взгляду – странный вид, как будто их глазами смотрит кто-то другой» [8, с. 96]. Философ как киборг-аватар, отношение к которому может вылиться и в такую форму: «Я воображал, что подкрадываюсь к какому-то автору сзади и что мы зачинаем с ним ребёнка, который был бы похож на него и вместе с тем родился бы монстром» [7, с. 17].

Как пишет Фуко, в философском театре Делёза у философской мысли неузнаваемое лицо, скрытое в интэртекстуальных играх и подменах под масками масок философов. «Дунс Скот просунул голову через круглое окошко в будку часовного в Люксембургском Саду; он щеголяет впечатляющими усами; они принадлежат Ницше, задрапированному под Клоссовски» [17, с. 473]. Постмодернистский философский театр располагается на одной линии «а-параллельной эволюции» с постмодернистской «сборкой» политического «Театра жестокости» и развесёлого балагана, где нарезанная в клипы реальность выступает управляемым элементом шоу-бизнеса: «Квентин Тарантино это и есть Бен-Ладен, а Бен-Ладен – это голливудский актёр, которого снимали где-то в Большом Каньоне» [10, с. 195].

(2) Нелинейная динамика показала, что существуют фундаментальные ограничения на возможность «динамического» прогноза, своеобразный горизонт или окна предсказуемости. В точках бифуркации перестаёт действовать прежняя траектория движения, а новую предсказать невозможно в принципе. Это ограничение является не только методологическим постулатом, но и онтологической структурой процессов, развивающихся по бифуркационной диаграмме. Для традиционного подхода, ориентированного механистическими представлениями о детерминизме, эти ограничения означают невозможность теоретического анализа в зоне принципиальной неопределенности. Ведь любой перечень начальных условий оказывается принципиально неполным для построения цепочки строго детерминированных следствий. В то же время в нелинейной среде скрыт непроявленный спектр будущих возможных структур, возможных (виртуальных) событийных горизонтов.

(3) «Языковые игры» это и есть, собственно говоря, междисциплинарные коммуникативные практики.

(4) Этот принцип был сформулирован еще Н.Я. Данилевским в его концепции культурно-исторических типов.

(5) В «Записках из подполья» Достоевским демонстрируется итерация в рефлексии аффекта *ressentiment'a* по «законам усиленного сознания»: «Я стыдился (даже, может быть, и теперь стыжусь); до того доходил, что ощущал какое-то тайное, ненормальное, подлецкое наслажденьице возвращаться, бывало, в иную гадчайшую петербургскую ночь к себе в угол и усиленно сознавать, что вот и сегодня сделал опять гадость, что сделанного опять-таки никак не воротишь, и внутренно, тайно, грызть, грызть себя за это зубами, пилить и сосать себя до того, что горечь обращалась наконец в какую-то позорную, проклятую сладость и наконец – в решительное, серьезное наслаждение! Да, в наслаждение, в наслаждение! Я стою на том. Я потому и заговорил, что мне все хочется наверно узнать: бывают ли у других такие наслаждения? Я вам объясню: наслаждение было тут и именно от слишком яркого сознания своего унижения; оттого, что уж сам чувствуешь, что до последней стены дошёл; что и скверно это, но что и нельзя тому иначе быть; что уж нет тебе выхода, что уж никогда не сделаешься другим человеком; что если б даже и оставалось еще время и вера, чтобы переделаться во что-нибудь другое, то, наверно, сам бы не захотел переделываться; а захотел бы, так и тут ничего не сделал, потому что на самом деле-то и переделываться-то, может быть, не во что. А главное и конец концов, что все это

происходит по нормальным и основным законам усиленного сознания и по инерции, прямо вытекающей из этих законов, а следственно, тут не только не переделаешься, да и просто ничего не поделаешь».

(6) Аналогичную концептам-трансформерам функцию в кантовском трансцендентализме выполняют символы рефлектирующей способности суждения. Суждения рефлексии, по определению, являются автореферентными. В них описывается состояние самих рефлексивных систем, возникающее в акте их описания, а не те способы сознания, в которых осознается и созидаются предметный мир, когда синтез воображения создает схему для понятия. Схематизация в кантовском смысле всегда производится воображением не в его автономной свободе, но в подчинении требованиям соответствия рассудочно-понятийному единству. Мысля же мир «под формой субъективности», способность воображения «схематизирует без понятия», т.е. воображение становится свободным и самодеятельным. Это значит, что воображение в данном случае создает не схему для понятия, но символ для рефлексии, с помощью которого открывается единственная возможность хотя бы проблематически определить ноуменальный план бытия. Эстетическими идеями воображения создаётся как бы другая природа, чьи явления становятся непосредственно духовными событиями. Ведь в эстетических идеях-созерцаниях человек перестраивает самый опыт по разумным принципам.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Аришинов В.И., Свирский Я.И. Синергетическое движение в языке // <http://spkurdyumov.ru>
- [2] Буданов В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. Изд. 3-е испр. – М.: ЛКИ, 2008.
- [3] Гессе Г. Игра в бисер: Роман. – Харьков: Фолио; М.: ООО «Фирма “Издательство АСТ”», 2000.
- [4] Делёз Ж, Гваттари Ф. Тысяча плато: капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010.
- [5] Делёз Ж. Кино. – М.: Ад Маргинем, 2004..
- [6] Делёз Ж. Логика смысла. – М.: Раритет, Екатеринбург: Деловая книга, 1998.
- [7] Делёз Ж. Письмо супровому критику // Жиль Делёз. Переговоры. 1972 - 1990. – СПб.: Наука, 2004.
- [8] Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? – М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1998.
- [9] Достоевский Ф.М. ПСС. Т. 29 (кн. 1). (Письма 1869 - 1874). – Л.: Наука, 1986.
- Дугин А. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. – М.: Евразийское движение, 2009.
- [10] Дунаев В.Ю. Концепты-трансформеры в стратегиях смысла // Философия в современном мире: стратегии развития. Материалы I Казахстанского философского Конгресса (Алматы, 27 - 28 сентября 2013 г.). – Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2013..
- [12] Жижек С. Киногид извращенца: Кино, философия, идеология: сборник эссе. – Екатеринбург: Гонзо, 2014.
- [13] Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998.
- [14] Луи Э. Текста не существует. Размышление о генетической критике // Генетическая критика во Франции. Антология. – М.: ОГИ, 1999.
- [15] Подорога В.А. Мимесис. Материалы по аналитической антропологии литературы. Том 1. Н. Гоголь, Ф. Достоевский. - М.: Культурная революция, Логос, Logos-altera, 2006.
- [16] Флоренский П.А. У водоразделов мысли // Флоренский П.А. Имена: Сочинения. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во Фолио, 1998.
- [17] Фуко М. Theatrum philisophicum // Делёз Ж. Логика смысла. Фуко М. Theatrum philisophicum. – М.: Раритет, Екатеринбург: Деловая книга, 1998.
- [18] Хакен Г. Можем ли мы применять синергетику в науках о человеке? // <http://spkurdyumov.ru/what/primenyat-sinergetiku-v-naukakh-o-cheloveke-german-xaken/>

REFERENCES

- [1] Arshinov V.I., Svirsky Ya.I. Synergetic movement in language // <http://spkurdyumov.ru>.
- [2] Budanov V.G. Methodology for synergy in postnonclassical science and education-research institutes. Ed. 3rd Corr. - M .: LKI 2008. (in Russ.).
- [3] Hesse G. The Glass Bead Game: A Novel. - Kharkiv: Folio; M .: "Firm" AST Publishing ", 2000. (in Russ.).
- [4] Deleuze J., Guattari F. Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia. - Ekaterinburg: U-factors; M .: Astrel, 2010. (in Russ.).
- [5] Deleuze J. Cinema. - M .: Ad Marginem 2004 .. (in Russ.).
- [6] Deleuze J. Logic of Sense. - M .: Rarity, Ekaterinburg: Business book, 1998. (in Russ.).
- [7] Deleuze J. Letter harsh criticism // Gilles Deleuze. Conversation. 1972 - 1990. - SPb .: Science, 2004. (in Russ.).
- [8] Deleuze J., Guattari F. What is philosophy? - M .: Institute of Experimental Sociology, St. Petersburg .: Aletheia, 1998. (in Russ.).
- [9] Dostoevsky F.M. MSS. V. 29 (b. 1). (Letters 1869 - 1874). - L .: Nauka, 1986. (in Russ.).

- [10] Dugin A. Postphilosophy. Three paradigms in the history of thought. - M.: -Eurasian motion of 2009. (in Russ.).
- [11] Dunayev V.Yu. Concepts transformers sense strategies // Philosophy in Sovrem-mennom world: development strategy. Proceedings of the I Congress of Philosophy Kazakhstan (Almaty, 27 - 28 September 2013). - Almaty Institute of philosophy, political science and religion-reference CS MES RK 2013 . (in Russ.).
- [12] Zizek S. The Perver's Guide to Cinema: Movies, philosophy, ideology: a collection of essays. - Yekaterinburg: Gonzo, 2014. (in Russ.).
- [13] Lyotard J.-F. The postmodern condition. M.: Institute of Experimental sociology-gies; Petersburg : Aletheia, 1998. (in Russ.).
- [14] Louis E. Text does not exist. Thinking about genetic criticism // Genetic-lic criticism in France. Anthology. - M.: OGI, 1999. (in Russ.).
- [15] Podoroga V.A. Mimesis. Materials on analytical anthropology literature. Volume 1. Nikolai Gogol, F. Dostoevskiy. - M.: The Cultural Revolution, Logos, Logos-altera, 2006. (in Russ.).
- [16] Florensky P.A. We thought watershed // Florensky PA Names: Works. - M.: Publishing House ZAO Eksmo-Press; Kharkov: Folio Publishing House, 1998. (in Russ.).
- [17] Foucault M. Theatrum philisophicum // J. Deleuze Logic of Sense. Foucault M. Theatrum philisophicum. - M.: Rarity, Ekaterinburg: Business book, 1998.
- [18] Haken G. Could we use the synergies in the human sciences? // [Http://spkurdyumov.ru/what/primenyat-sinergetiku-v-naukax-o-cheloveke-german-xaken/](http://spkurdyumov.ru/what/primenyat-sinergetiku-v-naukax-o-cheloveke-german-xaken/)

ҚАЛЫПТАСУДЫҢ ПОСТФИЛОСОФИЯСЫ ЖӘНЕ ФАЗАЛЫҚ АУЫСУДЫҢ СИНЕРГЕТИКАСЫ

ДУНАЕВ В.Ю., КУРГАНСКАЯ В.Д.

ҚР БФМ ФК Философия, саясаттану және дінтану институты, Алматы, Қазақстан.

Түйін сөздер: философия, постмодернизм, синергетика, өзін-өзі ұйымдастыру, қалыптасу, сыйықсыздық, өзін-өзі қолданушылық.

Аннотация. Мақалада қазіргі философия мен ғалымның ұйымдық-санаттық аппарат қалыптасудың кейір ерекшеліктері қарастырылады. Семантикалық алаңың магыналар мен маңыздар ашық кеңістігі ретінде өзін-өзі ұйымдастырылуы қалыптасудың философиясы мен фазалық ауысадың синергетикасының мәні мен тәсілі болуы айқындалады. Синергетиканың онтайлықтың постбейн классикалық түрінің парадигмасы ретінде құрастырылуы өзін-өзі қолданушылық деген синергетика тұжырымдылық аппараты ерекшелігімен байлансыты деп қорытынды шығарылады. Осы қасиетке сәйкес синергетика ұстанымдары оның ұйымдарының пайда болу мен қызмет ету үдерісіне қарай қолданылады.

Поступила 21.01.2016 г.